

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АЗАМАТ, молодой человек, студент колледжа;

МАЛИКА, девушка, подруга молодого человека;

ЖАНЕЛЬ, девочка-школьница лет семи-восьми, сестра

Азамата;

МАМА, женщина средних лет, мать Азамата и Жанель;

ЕРАЛЫ, друг Азамата;

МАКСУТ, парень, ровесник Азамата;

ОТЕЦ МАКСУТА, бизнесмен;

ПОЛИЦЕЙСКИЙ

МУЛЛА

ТАХИР, мужчина средних лет, сторож, работник колледжа.

Одна сцена объединяет воспоминания героев о прожитом дне (или о серии дней).

Сцена первая

АЗАМАТ. Сначала матери сказали, потом мне. До меня не сразу дошло, о чем говорят, о ком. Когда дошло, злость внутри поднялась – это что, шутка такая? Звоню матери, пальцы дрожат, трубу чуть не выронил. Гудки пошли – первый, второй, десятый – не берет. Ну я сразу домой, а она там, дома. На диване лежит, рядом соседки, за руки держат, успокаивают. Кричу: «Мама, маматай!» А она как будто не слышит меня, не видит. Соседки еще отогнали – типа, «не мешай, не до тебя ей». Ну я в комнату к себе, кровь в висках стучит. Там у меня груша боксерская – ее давно повесили, еще отец живой был. Я ее бить начал. Долго бил – со злостью, с ненавистью. Бил, пока слезы не пошли. А потом бить уже не мог – просто по стене сполз и сидел. Плакал, короче.

МАЛИКА. Азамат, Аза... Помню, в школе вырывала листик из тетрадки и выводила его имя в каждой строчке красиво, сердечком обводила. Аза многим нравился, не

только мне – в школе, потом в колледже. Я и в этот колледж юридический, можно сказать, из-за него пошла – хотя была возможность в Алматы свалить, там на юрфак поступать. Аза бы тоже мог уехать – у него и по ЕНТ баллы высокие – но он из-за мамы остался, из-за Жанельки. Папа у них умер давно, а дом в частном секторе находится – зимой там снег надо убирать, осенью – листья, ну и вот. Остался он.

АЗАМАТ. С Маликой – с девушкой моей – после всего не виделись почти. Раньше каждый день встречались. Четырнадцатого февраля бумажный фонарик в ночное небо запускали – оранжевый такой, с огоньком внутри. Просто сейчас разве до этого?

МАЛИКА. У Азы мама офигенная! Вообще у них почти всегда дверь на замок не заперта. Зайдешь – внутри тепло, свежими шелпеками пахнет – ну это по пятницам, летом – вареньем каким-нибудь ягодным. Мы часто сидели у них за дастарханом – Аза, мама его, я с Жанелькой на коленях – пили чай из пиалушек, Жанелька фломастерами рисовала. Иногда, правда, Азин друг подваливал – Ералы – портил все. Он не особо мне нравится – Аза с ним много времени проводит. Аза просто со всеми практически хорошо общается – ну там с ребятами из колледжа, с преподами, даже с Тахиром этим, сторожем из колледжа. Ходит у нас там странный такой, небритый, ни с кем не разговаривает. Дикий, короче. Но Аза и с ним общий язык нашел. В общем, не знаю, как можно такого человека не любить. Мама Азина, например, Жанельку как-то все равно больше всегда любила, ну, любит в смысле.

ЖАНЕЛЬ. И я маму люблю, очень-преочень люблю. Мама добрая. Азамата люблю. Азамат – брат мой старший. Он умный и сильный – у него даже груша боксерская есть. Малику и Ералы люблю – они к нам часто в гости приходят. Малика красивая – я хочу стать, как она, когда вырасту. А Ералы – веселый. Когда он приходит и рассказывает что-нибудь, все смеются. Еще люблю рисовать фломастерами. Мой самый любимый рисунок – это пони Радуга из мультика. Но сейчас у меня фломастеров нет. Совсем нет. Ни одного.

ЕРАЛЫ. Аза-браза, братишка мой, друг самый лучший. Мы с Азой с пятого класса дружим, столько пережили – и

драки на чужом районе были, и перед преподами он меня выгораживал – много всего, короче. Скоро вот колледж заканчиваем, думали на Завод пойти. Азу бы точно взяли... Если бы, сука, ничего не произошло тогда, все бы путем было.

АЗАМАТ. Недавно с Ералы планы на будущее строили, хотели на Завод податься. В колледже ярмарку вакансий как-то проводили. С Завода люди тоже пришли – важные такие, солидные, в костюмах. К «перспективным» приглядывались. Мне кто-то из них визитку сунул – типа, звони, студент, приходи, как диплом отгуляешь. Я тогда обрадовался – думаю, ну круто для начала. Завод – единственная крупная контора в городе, всем великим юристам туда. А теперь сижу и спрашиваю себя – на кого эти юристы работают, на кого?.. В жопу Завод!

ЕРАЛЫ. Так получилось, что я видел все в тот день. И я, сука, всем всё расскажу! За Азу, за брата, за семью его любого порву, до конца идти буду.

Малика набирает на сотовом Азамата, но не дозванивается.

МАЛИКА (*смотрит на телефон в руках*). Аза, ну почему ты мне не пишешь, не звонишь? Я хочу тебя поддержать, хочу быть рядом с тобой, рядом, слышишь?

МУЛЛА. «Бисмиллях ар-Рахман ар-Рахим...» Аллах каждому свой путь предначертал, каждой душе свой срок отмерил. Никто не в силах это изменить.

Сцена вторая

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что за работа, это самое? Надоело уже – каждый день убийства, грабежи, ДТП. На пенсию уже надо. Старый я уже на такое смотреть – недавно вот, это самое, девочку на перекрестке сбили. Насмерть, это самое. Раз – и все. Была девочка и нету.

ЕРАЛЫ. Я тогда с тренировки домой шел. Аза побоксировать остался. Я дорогу собирался перейти, такси поймать – к перекрестку уже подходил. Через секунду слышу – кто-то едет по Абая, не едет, сука – летит. В это время дети, школьники, дорогу переходили по пешеходному. В

общем машина эта в них влетела, зацепила ребенка одного. Зацепила и дальше топит. Я подбежал – где, что, помочь – а это Жанелька была. Ни звука не издала – не успела даже. Не знаю, в общем, сколько времени там прошло. Поднес руку к сердцу – а оно стучит все медленнее и медленнее, все медленнее и медленнее, потом я совсем перестал его чувствовать. Все как сон было – такого не может быть, сука, просто не может. Потом «скорая» приехала – опоздала, конечно...

МАМА. Мне позвонили, я выехала. Еще не знала, что это Жанелечка – она часто с другими девочками возвращалась. Когда подходила к перекрестку, толпу увидела – в толпе девочку нашу искала, не нашла. Подумала – ну убежала куда-нибудь, она у нас подвижная, шустрая, на гимнастику ходит. Ближе к центру подхожу – жутко становится, в крови там все. А когда услышала от полицейского фамилию, дальше не помню, что было, не помню, не помню, не помню...

МАЛИКА. Это был шок, самый настоящий. Я сама весь вечер проплакала. У мамы Азиной была. В общем, страшно это все. Азе не до меня сейчас, я их понимаю. И все равно скучаю по нему, все равно скучаю.

АЗАМАТ. Ера все видел – номера видел, рожу эту в окне – тот же в хлам пьяный был! Я поклялся тогда, что не успокоюсь, пока эта тварь своего наказания не получит. Дома, на отцовском Коране поклялся перед небом, что так и будет.

ЖАНЕЛЬ. После второй смены на улице холодно – домой так хочется! Я побежала первая через дорогу, помню зебру на асфальте – белая полоса, желтая, белая, желтая и опять белая, желтая, а потом раз – и темно стало.

МУЛЛА. О, Аллах, весь город уже говорит! Пусть парень этот не натворит глупостей, не сойдет с ума от скорби.

Сцена третья

АЗАМАТ. Максут Абенов – так его зовут. Сын владельца Завода, того самого Завода. Куда я хотел попасть после колледжа. Это вообще со мной было или нет? Или с другим кем-то?

ЕРАЛЫ. Номер, серию – я все видел, все запомнил. По базе пробить – пара пустяков. Да и без меня все всё уже знают – весь город уже знает, кто на папиной машине в тот вечер катался.

АЗАМАТ. Вот так вот. Из-за Максута Абенова мертва моя сестренка.

Жанель появляется позади Азамата, останавливается и смотрит на него, кладет руки ему на плечи.

АЗАМАТ. Из-за него, из-за Максута Абенова, страдает мать. Мама рассказывает о дочери. Жанель подходит к ней сбоку и обнимает, положив голову на плечо.

МАМА. Вот сообщения Жанелечкины в телефоне сохранились (*показывает экран телефона*). А это бесік, колыбелька Жанелечкина – сохранили когда-то на память (*покачивает пустую колыбельку*). А в шкатулке вот украшения – браслеты, серьги (*достает украшения*) – моя мать их когда-то мне передала, а я теперь кому? Кому передам? (*украшения выскользывают из рук*)

АЗАМАТ. Вот так наша жизнь сломалась из-за какого-то придурка. Из-за мрази, которая села пьяной за руль. Всё, всё, я спокоен, я спокоен. Просто пытаюсь понять сейчас. Вот у тебя есть все – папаша, Завод, тачки, деньги, возможности – живи и радуйся, не ломай жизнь другим. У меня нет ни отца, ни Завода, ни тачки. У меня был мой, мой маленький мир. И он бы до сих пор был, если бы не Максут Абенов!

МАКСУТ. Я сбил человека на смерть. Ребенка. Мне страшно. Руки дрожат.

ОТЕЦ МАКСУТА. Максут мне позвонил посреди совещания, кричал чего-то там в трубку, как ненормальный, я ни черта не понял сначала.

МАКСУТ. Папа, пап, не выдавай меня никому, меня же убьют, меня посадят, меня убьют за такое, пап!

ОТЕЦ МАКСУТА. Я нашел его, затрещину дал хорошую – не удержался. Он же пьяный был – несло от него за километр, еще истерику эту устроил. Потом я в ментуру звонил, узнавал – может, не насмерть там совсем, может, помочь еще можно? Нет, говорят, там всё. А это уже серьезно – шумиха будет, свидетели.

МАКСУТ. Папа приехал, звонить начал куда-то – я знаю, он меня не сдаст им, он отмажет, отмажет обязательно. Я не хотел никого сбивать.

ОТЕЦ МАКСУТА. Меня тогда разозлило всё, достало до чертиков. Устал я от всего, просто устал ужасно. Схватил Максута, говорю – может, в этот раз ответишь за все по закону, сынок? Не всю же жизнь тебя отмазывать – папа не вечен! В тюрьме посидишь, перевоспитаешься, привычки свои гребаные забудешь, а?

Сцена четвертая

АЗАМАТ. Я раньше в колледж каждый день ходил – сейчас в полицию хожу, узнаю, что, как. Ера, вот, тоже ходил недавно – показания давал.

ЕРАЛЫ. Я всё написал – всё как было, всё рассказал им. Я же главный свидетель.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Парнишка, это самое, той девочки погибшей брат, приходил. Я его успокоил – Абенов, говорю, это самое, в СИЗО. Жди, говорю, это самое, суд скоро будет.

ТАХИР. Азамат хороший парень, очень хороший – всегда здоровается, спрашивает, как дела. Как-то раз вещи помог перетащить в подсобку, чаем я его угостил. Сестру он потерял недавно. Потеря человека или ломает, или закаляет. Пусть несчастье закалит его, Иншаллах. Пойду навещу его на днях.

Сцена пятая

МУЛЛА. ... пророк Мухаммад из собственного опыта знал, что такое смерть ребенка. Он похоронил почти всех своих детей – из семерых его пережила одна только Фатима. Сыновья Касим, Ибрахим, Абдулла – не дожили и до двух лет. Маленький Ибрахим умер у него на руках. Пророк пережил своих детей, но не озлобился. Пророк, напротив, говорил: «Из глаз текут слезы, и в сердце вселилась печаль,

но мы никогда не говорим то, что не угодно Всевышнему Аллаху». Так будем же и мы, следуя высочайшему примеру, терпеливыми. Аллах испытаний не по силам не дает.

ТАХИР (*про себя*). А если человек не выдерживает – тогда что?

МАМА (*про себя*). Пророк был святым, был мужчиной, не женщиной, Кудай кешірсін... Зачем меня сравнивать с ним?

МУЛЛА. Так вот, Аллах никогда не дает непосильной ноши. Если дал испытание, значит, есть внутри силы преодолеть.

АЗАМАТ (*про себя*). В чем смысл такого испытанья? Не понимаю. Ладно, если бы была тяжелая болезнь – тут винить некого. Другое дело, если есть конкретный мудака, на чьей совести преступление.

МАЛИКА (*про себя*). Азамат весь в себе. Только с Ералы этим переговаривается – на меня не посмотрел ни разу.

МУЛЛА. О виновнике много думать не надо – Аллах воздаст ему по заслугам. В этой жизни или в загробной – но обязательно воздаст.

ЕРАЛЫ (*про себя*). А мы проконтролируем тут, на земле.

ТАХИР (*про себя*). Это получается – потерпите в этой жизни, лямку потяните, а в загробной со всем разберемся, так что ли?

МУЛЛА. Сейчас больше о девочке надо думать, о душе ее.

МАМА (*про себя*). О девочке?

МУЛЛА. Девочка ваша и видит, и слышит вас. Все ваши мысли знает. Будете плакать, стенать – будет страдать вместе с вами.

ЖАНЕЛЬ. Мама все время грустная. И Азамат тоже грустный. Потому что они не видят меня.

АЗАМАТ (*про себя*). Иногда кажется, что Жанелька дома. Запах ее в доме остался. Игрушки в детской лежат, рисунки на стенах, фотографии школьные за стеклом.

МАМА (*про себя*). Правду мулла говорит. Вчера к гадалке ходила – та говорит: «Дочь Ваша рядом, стоит,

обнимает за плечи». Мне легче стало сначала, думаю – никуда же она не делась, рядом стоит, обнимает. Домой пришла, засомневалась – мало ли что эта гадалка за деньги наговорила? А мулла вот подтвердил – где-то близко она, Жанелечка наша...

МУЛЛА. Важно, с кем вы сейчас – с кем соприкасаетесь, кому сердца открываете. Держитесь поближе к мечети, вставайте на намаз, совершайте пожертвования. Скорбящие для шайтана – легкая добыча!

ТАХИР (*про себя*). О жертвованиях-то, конечно, никто не забудет – ни мулла, ни бомж последний.

АЗАМАТ. Мулла уходить собрался, я пошел его провожать. И вдруг говорю: «Спасибо большое, ага! Спасибо, что пришли-поддержали. Вроде даже легче немного стало. И матери, кажется, легче».

МУЛЛА. Я Азамату сказал тогда: «Балам, заходи на неделе – поговорим по душам, обсудим все. Заходи! Баракаллаху фика!»

ТАХИР. Как проповедник ушел, я к Азамату сразу, соблезнования выразил. Бумажку с адресом своим ему сунул. Говорю: «Заходи ко мне – есть, что тебе рассказать. В мечети все равно нового ничего не услышишь».

АЗАМАТ. Тахир вот тоже пришел поддержать. К себе звал. Я, конечно, сказал, что приду, но навряд ли... Не до него сейчас. А в мечеть хочу зайти на днях. Может, отпустит меня там.

ЕРАЛЫ. Аза хочет в мечеть сходить – это правильно. Мулла нужные слова подберет, легче станет. Пусть сходит.

МАЛИКА. Я подошла к Азе в конце, обняла, говорю: «Если что, всегда готова помочь, ты пиши, звони только». Зачем ему мулла, зачем Тахир этот нужен, если я есть?

ТАХИР. Азамат хороший парень, очень хороший. Жаль мне его. Иншаллах, встретимся, поговорю с ним, помогу чем могу.